

Елена Пиетияйнен

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Елена Пиетияйнен

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

РАССКАЗЫ

Петрозаводск
Verso • 2014

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке
Министерства культуры Республики Карелия

Художник Анастасия Трифанова

ШУТКА

Семья Светы переехала в новый дом. Все очень долго ждали этого переезда, мечтали, как будут жить в новой квартире. И Света тоже радовалась вместе с родителями — ведь так здорово иметь свою комнату и быть в ней хозяйкой!

И чистый подъезд новостройки, ещё пахнувший краской, с многочисленными дверьми вызывал любопытство: кто живёт в этих квартирах? какие люди? Света с огромным интересом наблюдала за соседями: кто-то вносил мебель, кто-то выводил выгуливать собаку, кто-то нёс сумки, должно быть, с продуктами, а кто-то — букет цветов — наверно, поздравить хозяев с новосельем. И подъезд радовался новым жильцам, он приветливо хлопал входными дверями и звонко щёлкал замками квартир.

Одно огорчало Свету — не удавалось ей встретить среди соседей девочку, которая могла бы стать подружкой. Две её лучших подружки остались в старом доме — их не перевезёшь, как мебель. И дружить с ними стало труднее — поболтают по телефону, а вот ехать одной через весь город в прежний двор Свете родители не разрешали.

«В новом доме будут и новые подружки», — утешал Свету папа.

И вот однажды Свете улыбнулась удача — вышла она во двор погулять, а у соседнего подъезда незнакомая девочка через скакалку прыгает.

Обрадовалась Света. Но подошла к девочке степенно, как будто нехотя — первой навязываться на знакомство гордость не позволяла. А незнакомка, увидев Светлану, бойко затараторила:

— Ой, ты новенькая, да? А где ты живёшь? Как тебя зовут? В какую школу ты ходишь? Учишь английский язык или немецкий? А я — финский! Правда, в кружке, дополнительно! А у тебя собака есть?

Девочка строчила словами, не переставая скакать. Света засмеялась — столько вопросов сразу! И кто из них здесь новенький — тоже вопрос. Света раньше никогда эту девочку не видела и поэтому считала, что «новенькая» как раз она. Но это было неважно. Главное — они встретились!

— Ну и скучно же здесь! — девочка со свистом рассекла воздух скакалкой и остановилась. — Делать совсем нечего. Играть не с кем. Вот у нас в моём старом дворе такая компания была! В футбол играли!

— В футбол? — недоверчиво переспросила Света.

— Ну да, с мальчишками! А здесь ты с кем играешь? Меня Ларисой зовут, — выпалила новая знакомая и зачем-то покрутила скакалкой над головой.

— Пока ни с кем, — вздохнула Света.

— Смотри! — вдруг азартно вскрикнула Лариса и показала рукой в центр двора.

Света проследила взглядом за её жестом и увидела малыша, который что-то сосредоточенно раскапывал в песочнице.

— Вот и поиграем! — счастливо вдруг засмеялась Лариса.

— Ты что! Он же маленький! Детсадник ещё, — изумилась Света. — С ним играть неинтересно.

— Не думаешь же ты, что я с ним напару решила из песка куличи стряпать, — снисходительно проговорила Лариса. И добавила: — А пошутить можно! Вот смеху будет!

Она достала из кармана конфету, развернула блестящий фантик и сунула сладость себе в рот. Зажмурившись, пожевала: — Вкусно!

Света наблюдала за действиями подруги и не могла понять, что та задумала.

Лариса пошарила глазами по земле, увидела камешек, подняла, показала Свете:

— Как ты думаешь, он съедобный? Не хочешь попробовать?

— Не хочу! — обиделась Света. За дурочку её принимают, что ли?

— А вот он попробует! — весело воскликнула Лариса и махнула рукой в сторону малыша. — Смотри!

С этими словами она завернула камешек в яркий фантик от конфеты.

— Пойдём, пошутим! — позвала она Свету и двинулась к песочнице.

Не совсем понимая замысел своей новой знакомой, Света направилась следом.

— Привет, мужичок! — ласково ворковала Лариса, присев на бортик песочницы. — Работаешь, да? Устал, наверно. А конфетку хочешь?

Малыш перестал копать и с интересом уставился на протянутую конфету в красивой обёртке.

— На, возьми! Вкусная такая конфетка! — причмокивая, сюсюкала Лариса.

Свете стало интересно. Возьмёт или нет?

Мальчик неуверенно протянул ручонку к подарку.

— Мне? — переспросил он.

— Тебе, тебе! — радостно закивала Лариса. — Угощайся! Она широко улыбнулась.

Смутное чувство стыда шевельнулось в душе у Светы. Но она молча наблюдала за происходящим.

Что будет дальше?

Ребенок взял «конфету», его глазки радостно блеснули.

— Спасибо! — протянул он.

— Ишь ты! Воспитанный! — резвилась Лариса. — Правильно! Взрослых нужно благодарить!

И засмеялась, запрокинув голову.

Малыш развернул фантик. Блаженство на лице сменилось удивлением. Он потрогал руками камень.

— А конфета? — он поднял на Ларису растерянные глаза.

— Ага! Конфета! Только не эта! — захохотала Лариса. И запрыгала вокруг песочницы:

— Обманули дурака на четыре кулака!

Мальчик бросил камень на землю, обиженно повертел в руках пустой фантик.

Затем его глаза наполнились слезами и он отчаянно, во весь голос заревел.

— У! Рёва-корова! — начала стыдить его Лариса. — Шутки не понимаешь!

Света вдруг быстро присела перед малышом на корточки, взяла его за руки и взволнованно проговорила:

— Прости нас, мальчик. Прости, пожалуйста.

— Ты что, чокнутая?! — закричала Лариса. — Нашла перед кем извиняться! Перед этой мелкотой? Да чего он понимает!

Но Света не слушала. Она рылась в кармане своей курточки. Потом достала оттуда маленькую карамельку, протянула малышу:

— На, бери. Она не такая красивая, но вкусная. Апельсиновая. И пахнет апельсином — попробуй!

Но малыш продолжал плакать. Он не мог успокоиться и совсем не слушал Свету.

— Ду-ура! — замахнувшись на Свету, сквозь плач вдруг крикнул он недетское слово, поднял свой совок и побежал к подъезду.

— И вправду дура, — вздохнула Света.

— Это ты про кого? — вскинулась Лариса, подбоченясь.

— Да про себя, — отмахнулась Света.

И пошла прочь.

— Куда же ты? Мы ещё не познакомились! — закричала ей вдогонку Лариса.

— Да нет. Уже познакомились, — пробормотала на ходу Света, прибавляя шаг.

ФИМА

— **Д**ержи! Держи её! Вот она — за шкаф спряталась! Хватай, а то удерёт! — наперебой кричали мальчишки, сгрудившись возбуждённой и взъерошенной толпой в конце школьного коридора.

— Р-расступись! Кому сказала?! — раздался громовой голос уборщицы тёти Сони, которая уже раздвигала бурлящую мальчишескую толпу длинной ручкой половой швабры. — Ну, что тут у вас? — грозно вопрошала тётя Соня, протискиваясь своим грузным телом к старому некогда полированному шкафу, выставленному в коридор из учительской неизвестно для какой надобности.

Тётя Соня слыла в школе авторитетом. Младшие её откровенно побаивались, старшие же предпочитали не пререкаться, а тихо ретироваться в случае вызревания конфликта на почве тёти-Сониных гигиенических требований.

Тётя Соня блюла чистоту и порядок с невероятным усердием, то и дело принимая активное участие в воспитательном процессе подрастающего поколения — гоняла нещадно малолетних курильщиков, заступалась за обиженных, громко выговаривала школьникам за ненадлежащий внешний вид — оторванные пуговицы, испачканную одежду или крашенные в зелёный цвет волосы. Тётю Соню

почему-то слушались — она явно обладала харизмой повелительницы.

Поэтому мальчишки стихли и нерешительно топтались рядом, пока уборщица всё той же шваброй доискивалась за шкафом до причины их бурного собрания. И доискалась — в углу что-то пискнуло, и вдруг появился бело-серый испуганный котёнок с дрожащим хвостиком и затравленным взглядом.

— Это ещё кто?! — всё так же грозно спросила тётя Соня и обвела взглядом ребят.

— Эта киска, наверно, потерялась. Она ехала со мной в одном троллейбусе — может, её там хозяева забыли, — нерешительно сказала Таня из пятого «а», — вот я её и решила пока с собой в школу взять.

— Что значит «пока»? — почти взревела тётя Соня. И вдруг смягчилась:

— В школе животным жить не положено. Посмотрите, какой этот котик грязный — видать, давно скитается.

При этих словах тётя Соня взяла котёнка на руки, почему-то ничуть не испугавшись его нестерильности.

— Да и мальчишки его замучают здесь. Вот он, бедненький, как испугался. Надо вернуть котика на улицу — может, кто-нибудь его подберёт, — вынесла решение тётя Соня.

— На улице он пропадёт! — вдруг воскликнула Настя, Танина подруга. — Его могут и другие парни замучить. Или попадёт под машину. Можно, он у вас один урок побудет? Я его потом домой заберу.

— А мама-то позволит в дом инфекцию тащить? — с сомнением произнесла тётя Соня, но, видно передумав, посадила котёнка в ведро.

— А ведь у меня дома живёт двенадцать кошек, — вдруг мягко и тепло произнесла тётя Соня.

— Да?! — ахнули обе девочки. — Может, возьмёте его к себе? Тринадцатым!

— Не могу, — посуровела уборщица. — И не в числе дело. Просто кошка этой породы привыкла быть единственной

хозяйкой. Она других кошек рядом не потерпит. Да и людей построит, — со знанием дела добавила тётя Соня, — нам с ней не ужиться. Но урок у себя подержу, так и быть. А после — или забирайте, или на улицу!

И тётя Соня величественно двинулась в свою комнатёнку с ведром, из которого уже изумленно выглядывал найдёныш.

Кое-как отъёрзав на стуле урок химии, Настя позвонила маме:

— Мамочка, миленькая! Не ругайся! Я принесу сегодня котёнка! Он такой бедненький! Грязный. Замученный. Пропадё-ёт! Ладно? — скороговоркой выпалила Настя и отключила телефон, не оставив своей маме ни единого шанса для возражений.

* * *

Светлана Ивановна — мама пятиклассницы Насти — позвонила в дверь своей квартиры и, услышав торопливые шажки, облегчённо вздохнула: «Дома!»

Открыв двери, Настя немедленно приложила палец к губам, словно призывая Светлану Ивановну разделить с ней какую-то тайну.

— Принесла? — отчего-то шёпотом спросила Светлана Ивановна дочь.

Настя молча указала рукой на кухню, куда проследовала, не раздеваясь, мама.

— О! Ну и страшилище! — только и вымолвила она, окинув взглядом замызганное животное, восседающее верхом на холодильнике. — И глазки гноятся. Наверно, болеет.

— Но ты ведь его не выгонишь, да? — жалобно заглянула в глаза матери Настя. — Пусть у нас пока поживёт. А найдутся хозяева — отдадим, — умоляющим тоном протянула девочка.

Светлана вздохнула. Как могут найтись хозяева этого заморыша в большом городе? Впрочем, решение оставить котёнка

временно как-то ободрило. В самом деле, можно дать объявление в газету о найденном животном — вдруг да повезёт!

Весь вечер ушёл на гигиенические процедуры найдёныша, включающие мытьё, санобработку против блох, промывание глазок специальным раствором, усаживание на лоток, предусмотрительно купленный Светланой Ивановной по дороге домой.

Хозяев ждало несколько открытий. Во-первых, котик оказался девочкой, то есть кошкой. На что Александр Петрович, отец Насти, весело заметил:

— Ого! В женском полку прибыло!

Во-вторых, вымытая, она была пронзительно-белого цвета. И — что удивительно — совсем не боялась воды. Напротив, ей нравилось мыться! Лоток тоже она признала как знакомый предмет, из чего следовало, что кошечка была домашней. А что немного одичала — так это по причине её вынужденного бродяжничества.

Впрочем, уже после принятия ванны она тёрлась о ноги новых хозяев и блаженно мурлыкала — видимо, в знак благодарности.

— А смотри, как наша Серафима Сергеевна! — вдруг весело рассмеялась Настя. — Как-то по-главному смотрит, повелительно. Хотя и маленькая.

— Вот и назовём её Фимой, — подхватила Светлана Ивановна. — Фима-Серафима. Раз она такая величественная!

Фима и впрямь чувствовала себя главнее всех в доме.

Спала в родительской кровати (самой большой в доме) между головами мамы и папы. Будила всех в шесть утра — так она считала нужным, потому что этот час назначила себе временем завтрака.

Как ей удавалось, едва поселившись в доме, подчинить своей воле взрослых, уму непостижимо.

А с Настей вообще не церемонилась — скреблась в её комнату, когда хотела с ней встречи, а для пущей верности громко мяукала под дверью.

Но никто почему-то не замечал её повелительного нрава; вернее, этот нрав никого не раздражал, а скорее, забавлял.

Тем более что Фима была чистоплотна и нежна с обитателями дома.

Любовь — вот её главный козырь, который подкупал всех. Она умела любить людей и выражать эту любовь — мурлыканьем, влажным розовым носиком и мохнатыми белыми лапками... Выказывая свою нежнейшую привязанность новообретённым хозяевам, она получила право на неоспоримое осуществление своих желаний.

Фима радовала людей, и людям доставляло огромное удовольствие радовать её.

Казалось, что Фима останется в доме навсегда.

Но однажды вечером раздался телефонный звонок. Звонили по объявлению, которое Светлана Ивановна дала в газету о найденной белой кошечке. Оказалось, нашлись хозяева Фимы.

— Не отдавай её! — взмолилась Настя.

— Но мы же договаривались, что приютим котёнка на время, — как-то растерянno пробормотала Светлана Ивановна. И, вздохнув, добавила: — Видно, это время истекло.

— Не отдавай!!! — вдруг отчаянно закричала Настя и внезапно разревелась, пытаясь кулачкам сдержатъ хлынувшие слёзы.

Всё всегда понимающая Фима тёрлась о ноги хозяйки, вскидывая мордочку вверх и иногда просительно мяукая.

— Они приедут через час, — упавшим голосом проговорила Светлана Ивановна и ушла в кухню.

— Давай скажем, что она от нас убежала! Или просто не откроем дверь! — продолжала безудержно плакать Настя, захлёбываясь словами, как слезами.

Хозяйка дома хранила молчание.

«А вдруг они передумают и не приедут? — с надеждой подумала она. — Ведь с животным столько хлопот...»

Через час раздался звонок. Фима юркнула под кровать в спальне родителей. Настя закрылась там же.

«Врать нехорошо», — подумала Светлана Ивановна и направилась к дверям.

Хозяева Фимы — молодой человек и девушка — пришли с тортиком — поблагодарить приёмную семью за спасение их любимицы.

В прихожую выглянула зарёванная Настя:

— А может, вы вовсе и не хозяева Фимы! — вдруг заявила она.

— Перестань, — строго оборвала её мама и решительно направилась в спальню доставать кошку из-под кровати.

Гости ахнули, когда увидели ослепительно-белое, пушистое существо с ясными глазами:

— Красавица какая!

И, торопливо всучив Светлане Ивановне тортик, приняли Фиму на руки.

Настя опять в голос заплакала.

— Жаль девочку. Так переживает, — сказала девушка, прикрывая за собой дверь. — Спасибо Вам!

...Без Фимы в квартире стало как-то пронзительно пусто.

Светлана Ивановна прилегла на диван и, обхватив подушку руками, вдруг тоже заплакала.

Вернувшийся с работы отец недоумённо произнёс:

— Что за сырость в доме? Почему все плачут?

— Фиму отдали. Жалко.

— Ты же сама была против того, чтобы брать в дом животное с улицы! — в сердцах воскликнул глава семьи. — А сколько хлопот было с этой кошкой! Пока отмыли, пока вылечили...

— Она единственная меня любила, — вздохнула Светлана Ивановна, вдруг улыбнувшись своим воспоминаниям.

— Да уж, больше тебя любить здесь некому, — хмуро пошутил отец, включая телевизор.

— И ты не плачь, — обратился он к вошедшей Насе. — Ты сделала доброе дело — спасла заблудившегося котёнка. Вернула его хозяевам — ещё одно доброе дело! А доброе дело всегда возвращается.

...Прошло два года. И вдруг накануне 8 марта, возвращаясь домой с работы, Светлана Ивановна увидела у дверей своей квартиры на коврикe белого котёнка, очень похожего Фиму.

Она не решилась взять котёнка на руки — ведь это не может быть Фима, которая давно стала взрослой кошкой...

На лестнице слышались шаги — поднималась Настя.

— Ой! — воскликнула она, увидев белоснежное существо на коврикe. И тут же спохватилась:

— Это не Фима. Чей-то чужой котёнок... Наверно, его ищут.

Мама с дочкой молча вошли в свою квартиру. Молча пили чай, думая о своём.

— Добро всегда возвращается, — машинально проговорила Светлана Ивановна.

— А вдруг... она ещё там? — спросила Настя.

И, не сговариваясь, обе бросились к дверям...

УТКА-АРТИСТКА

— **М**ама, мама! Смотри: утка и утк! — закричал Тёма, остановившись на мосту и показывая рукой вниз — на речку Сестру, заросшую кувшинками.

Мама проследила глазами за рукой сына и рассмеялась:

— Не утк, а селезень, — поправила она мальчика. — Селезень — это муж утки, самец.

— Серенький такой, да? — уточнил Тёма.

— Нет, сынок. Серенькая — уточка. А селезень — красивый, с синим и зелёным отливом на голове и хвосте.

— Ух ты! Выходит, утиный парень красивее утиной девочки? — изумился Тёма.

— Входит, что так, — расхохоталась мама и взъерошила Тёме волосы.

— А уточка почему такая серенькая? — не унимался Тёма.

— А давай ещё постоим, посмотрим. Может, сам догадаешься! — весело отозвалась мама.

Они удобнее устроились на мосту, облокотившись о перила.

Интересно смотреть на речку сверху!

Река простиралась далеко вдаль — с зелёными берегами, белыми облаками над ней. Посреди речки, прямо у моста, широко раскинулась старая коряга, когда-то бывшая деревом.

Вода слегка журчала, перекаывая через ветки этого ползатоленного дерева. И это журчание показалось Тёме по-человечески знакомым.

— А речка что-то бормочет, с нами разговаривает, — поделился он с мамой своим открытием.

— Гляди! — теперь уже воскликнула мама, указывая рукой вниз. — Утка с утятами!

Тёма посмотрел вниз и радостно захлопал в ладоши.

По тёмной глади реки важно скользила серая уточка, а за ней такими же серенькими поплавочками качались семь маленьких утят.

— Это их мама на прогулку повела! — авторитетно сообщил Тёма и привстал над перилами моста, чтобы получше разглядеть многодетное семейство.

Неожиданно утка отрывисто крикнула, тревожно взмахнула крыльями.

Утята, поняв материнскую команду, мгновенно исчезли.

Тёма ещё больше вытянул шею. Где же они? Только что по воде плыла утиная вереница и вдруг — будто растворилась! И ведь до прибрежных зарослей далеко — там они спрятаться не успели.

Утка же взволнованно металась по реке, то вспархивая над водой, то падая камнем вниз.

Что случилось? Над рекой показалась большая птица, которая закружила над уткой.

— Коршун! — воскликнула мама. — Вот почему утка беспокоится!

— А утята куда делись? — спросил Тёма, отчаявшись разгадать их внезапную прятку.

— Присмотрись к коряге внимательнее, — посоветовала мама.

Но как ни глядел Тёма, так ничего и не увидел. Коряга как коряга. Серая, ветвистая, с выпуклостями и какими-то наростами. И так же вода журчит, перекаывается.

— Это утята кажутся наростами на коряге. Они одного цвета. Припали к ней — не шевелятся. Спрятались от коршуна, — пояснила мама.

Тем временем утка казалась раненой: она беспомощно волочила одно крыло, то взлетая, то ныряя в воду, удалялась вдаль по реке и от моста, и от коряги. Коршун, почуяв лёгкую добычу, устремился к ней.

— Это она его от своих утят уводит, — вздохнула мама.

— Он её схватит? — спросил Тёма тревожно.

Мама не ответила. Её взгляд был устремлён вдоль реки.

— Смотри! — вдруг облегчённо и радостно воскликнула она.

Тёма вгляделся.

Коршун продолжал кружить над рекой.

— Потерял свою добычу! — мама захлопала в ладоши, как девчонка.

— А утка где? — недоумевал Тёма.

— Скоро она вернётся, — весело проговорила мама. — Прикинулась раненой, увела коршуна от своих детей, а потом раз — и улетела! Обманула хищника!

— Как это — прикинулась раненой? Зачем? — поинтересовался Тёма.

— А затем, что коршун ринется за лёгкой добычей, а не станет выискивать вдруг пропавших утят. Пойдём домой!

— Значит, утка — артистка? — рассмеялся Тёма, следуя за мамой по мосту.

— Ещё какая! — задорно ответила мама. — Она выполнила свой материнский долг — спасла детей от опасности.

— А ты бы меня тоже спасла? — вдруг остановился Тёма.

Мама повернулась к сыну, встретив его пытливый взгляд.

— Конечно. Иначе и быть не может, — серьёзно ответила она и внезапно весело спросила:

— А ты догадался, почему уточка серенькая?

В это время раздался всплеск.

Тёма глянул вниз — около коряги мама-утка хлопала крыльями, созывая своих утят. А они уже плескались около неё беспорядочно и суетливо, пережив свой страх и радуясь возвращению матери.

ЗАЩИТНИК

У Тёмы была большая семья — мама, папа, кот Маркиз, черепаха Дуняша, хомяк Фомка, попугай Тимоха и две собаки — пудель Филя и болонка Боня.

Несмотря на разные характеры и привычки домочадцев, в семье царила оживлённая радость и взаимная привязанность друг к другу. Филю и Боню мама и папа поочередно выгуливали на поводках в положенное время, а Тёма кормил Дуняшу и Фомку, наводил порядок в их клетках с бóльшим усердием, чем в своей комнате.

Кот Маркиз, казалось, жил сам по себе: выгуливался самостоятельно, когда хотел, а во время завтрака и ужина подсаживался на свободную табуретку к кухонному столу и с достоинством ждал своей порции как полноправный член семьи.

Когда Маркиз ещё был котёнком, родители запрещали Тёме потакать ему, чтобы не приучать таскать со стола.

Но Маркиз, откушав из своей миски, регулярно подсаживался к столу во время общей семейной трапезы. Он не хватал ничего со стола, не мяукал, просто смотрел на людей своими жёлтыми глазами пристально и терпеливо.

Первым сдался папа — отломил однажды кусочек колбаски от своего бутерброда.

Недолго продержалась и мама под взглядом своего маленького пушистого питомца.

Её покорила интеллигентность поведения и достоинство, с которым держался Маркиз.

— Вот ведь хитрюга! И не просит, а выпросит! — смеясь, часто приговаривала мама, подкладывая коту из своей тарелки лакомые мясные кусочки.

Так и повелось: Маркиз трапезничал вместе с людьми. В то же время ни Филя, ни Боня ни разу не удостаивались этой привилегии, хотя поочередно то визжали, то поскуливали, облизывая хозяевам колени и приподнимаясь на задние лапы.

* * *

Однажды под дверями своей квартиры Тёма увидел небольшую бело-рыжую собачку. Она лежала, положив мордочку на передние лапы и, казалось, дремала.

Тёма погладил незваную гостью. Она приподняла голову, взглянула на Тёму и лизнула его ладонь.

— Нет у меня ничего! — вздохнул Тёма и позвонил. Открыла мама.

— Не смей приваживать чужого пса! — строго сказала она. И уже мягче добавила:

— Может, он потерялся — отбился от своих хозяев. Пусть ищет. А у нас и так не дом, а зверинец.

Вечером пришёл с работы папа. Открыв двери своим ключом, он радостно крикнул:

— А у нас гости!

Мама выглянула в прихожую. Папа стоял в проёме открытой двери и поглаживал недавнего бело-рыжего знакомого Тёмы. Тёма подскочил:

— Он будет жить у нас?!

— Нет! И ещё раз нет! — воскликнула мама, отпихнула ногой пса от своей квартиры и решительно захлопнула дверь.

— Раздевайся и иди ужинать! — повелительно приказала она папе и прошла на кухню.

Папа с Тёмой переглянулись. Спорить было бесполезно. Только Тёма знал, что мама каждый раз выказывала неудовольствие, когда в доме, помимо её воли, друг за другом появлялись Маркиз, Дуняша, Фомка, Тимоха и Филя с Боней.

Но на этот раз она была непреклонна.

— Три собаки в одной квартире — это уже слишком! — как бы оправдываясь перед Тёмой и папой, приговаривала весь вечер мама. А они и не пытались её уговаривать, зная, что она покипятится и успокоится. Надо было только подождать.

Но на сей раз их расчёт не оправдался. Прошёл день, другой, затем неделя... Бело-рыжий пёс продолжал жить на коврике под дверями их квартиры. Мама не сдавалась.

— Пошёл отсюда! — однажды в сердцах воскликнула она и притопнула ногой.

Пёс неохотно поднялся, встряхнул головой, затем вильнул хвостом и улёгся на прежнее место.

— Не жди! Не возьму! — отрезала мама, уходя на работу.

Тёма украдкой иногда гладил прибившуюся к ним собачку, угощал её хлебом и сахаром.

— Моя мама хорошая, — говорил он ей. — Просто она не может приютить всех бездомных. — При этих словах Тёма вздыхал, мысленно не соглашаясь с мамой. Ведь не все же бездомные собаки столпились у их квартиры, а одна-единственная. Маленькая. Бедненькая. Или потерявшаяся, или брошенная. Скоро зима. Пропадёт без хозяев собака...

* * *

В один из обычных вечеров мама повела на прогулку серого пуделя Филю и белую кучерявую болонку Боню. Вообще по вечерам их обычно выгуливал отец, но на этот раз он уехал на пару дней в командировку. Тёмин порыв

прогуляться вместе собаками был пресечён указанием делать уроки.

Мама вышла на лестничную клетку с двумя своими мохнатыми домочадцами. Они успели привыкнуть к постоянному присутствию на их лестничной клетке бело-рыжей незнакомки, поэтому дружелюбно её обнюхивали, помахивая хвостиком. На этот раз незваная приживалка увязалась следом.

— А, и ты с нами! — заметила мама непрошеную гостью, открывая дверь подъезда. — Ну, пойдём! Может, ты покинешь наш дом и двор навсегда!

Они вышли во двор, Филя и Боня радостно повизгивали, играя друг с другом, резвились, натягивая поводки, иногда тянули хозяйку в разные стороны. Бело-рыжая их попутчица улеглась в тень дерева и смотрела на резвящихся Филю и Боню так, как смотрит взрослый на играющих несмышленных детей.

Вдруг раздался чужой угрожающий лай, и, откуда ни возмись, во двор влетела свора бродячих собак. Как оказалось, предметом их интереса была чёрная кошка, вмиг взобравшаяся на высокий тополь.

Спасшись от своих злобных разномастных преследователей, кошка уютно расположилась в развилке толстых ветвей. Собаки поначалу лаяли на неё, но потом, видимо, поняв безрезультатность своих усилий, вдруг с грозным рычанием бросились в сторону женщины с двумя собачками на поводках Филей и Боней.

Филя отчаянно заскулил и спрятался за свою хозяйку, прижавшись к её ногам. Боня, жалобно гавкнув, нырнула под длинный подол маминой юбки.

Женщину обступили обозлённые псы, примериваясь к своей добыче.

Что делать? Махать руками на таких собак нельзя — они набросятся вмиг, почувствовав угрозу.

— Помогите! — крикнула женщина проходящим мимо мужчинам, прижав к груди руки с поводками от своих домашних питомцев.

Но мужчины или не услышали её, или не захотели услышать. Увлечённые беседой, они прошли мимо.

Но помощь неожиданно пришла.

Из-под дерева с громким, заливистым лаем неслась бело-рыжая собачонка. Встав перед женщиной, она отважно лаяла на собак, подпрыгивая и все своим видом выказывая готовность разорвать их на кусочки.

Некоторое время шла собачья перебранка. Потом вдруг бродячие собаки развернулись и потрусили со двора.

Бело-рыжая собачка с лаем бросилась им вслед. И когда свора бездомных собак скрылась из виду, героиня успокоилась, присела на задние лапы и, высунув язык, перевела дух.

Сзади подошла спасенная троица — мама с пуделем и болонкой.

— Какой же ты защитник! — с благодарностью произнесла мама. — Вот не ожидала! Ну, раз так, пойдём с нами!

И она двинулась к своему дому в сопровождении трёх собак.

Так вчетвером и вошли в квартиру.

— Ой, ты егопустила? — радостно воскликнул Тёма, заведя своего тайного подопечного.

— Не я егопустила. Это он позволил себя пригласить к нам, — отчего-то смущенно сказала мама. И добавила:

— Он — мой спаситель и защитник. И теперь будет жить с нами.

И рассказала Тёме о том, что произошло.

Во время рассказа Филя недовольно рычал, а Боня спряталась под диван.

— Это они от стыда, — пояснила мама. — Испугались и спрятались. А Рыжик, — она кивнула на свернувшегося у её ног новоиспечённого защитника, — спас всех.

Счёл своим долгом.

А долг-то платежом красен.

ХИТРАЯ СОПЕРНИЦА

Тёма любил ходить с папой в лес. Лес — это не только деревья, грибы и ягоды. Лес — это целый мир со своими обитателями и законами.

Тёма знал, что в лесу живут зайцы, лисы, медведи и волки, но никогда их не встречал. Папа говорит, что звери прячутся от людей.

А зачем прятаться от него, Тёмы? Тёма — не охотник. И ружья у него нет. Вот бы увидеть кого-нибудь из лесных жителей!

Однажды они с папой пошли в сосновый лес, расположенный недалеко от города. В лесу было множество тропинок и полянок, усыпанных опавшими шишками.

— Смотри: белочка! — воскликнул папа и указал рукой на одну из полянок. Тёма увидел маленькую юркую озорницу, которая азартно потрошила шишки.

Её пушистый хвостик грациозно изогнулся вопросительным знаком, а глазки остановились на людях. Она не испугалась. Наверно, привыкла к людям в этом пригородном лесочке.

Папа порылся в карманах, достал оттуда пакетик с орешками, протянул Тёме.

— Угощайся сам и угости новую лесную знакомую! — сказал он.

Тёма бросил орешек белочке. Она мгновенно подскочила и схватила угощение цепкими лапками, выжидательно поглядывая на Тёму.

Немного посидев, белка проворно полезла по стволу дерева и скрылась в пушистой кроне.

— Пошла добычу прятать, — улыбаясь, пояснил папа. — Запасливая!

— Ой, она вернулась! — радостно воскликнул Тёма, увидев белочку, которая смело перебегала поляну, направляясь к людям.

— Наверно, её здесь многие подкармливают, вот она и не боится нас, — сказал папа.

Внезапно белка замерла на месте. В кроне деревьев мелькнула чья-то стремительная тень.

— Ястреб! — тревожно воскликнул папа.

Белочка вдруг что-то подхватила с земли и быстро-быстро стала карабкаться по стволу могучей сосны вверх.

Ястреб прицельно бросился на неё, но промахнулся — пролетел мимо.

Белочка, зацепившись задними лапками за ствол, висела вниз головой и стремительно поедала грибок, зажатый в передних лапках.

Её преследователь появился снова. Папа задрал голову вверх и попытался разглядеть происходящее.

— Да это ястребок. Маленький, а какой напористый! — заметил он.

Тёма тоже напряжённо всматривался вверх. Ястребок явно охотился за белочкой. А она, не выпуская добычи, перебегала с ветки на ветку, сновала вниз-вверх по стволу с разных сторон.

Но вот, убегая от своего преследователя, белочка оказалась на самой вершине сосны — дальше бежать некуда.

Хищник взмыл вверх и, развернувшись, бросился на свою беззащитную добычу.

— Ой! — закричал Тёма. — Сейчас он её достанет! Ведь белки не птицы — летать не умеют!

Но Тёма ошибся. Белочка, вытянувшись дугой, вдруг проворно перелетела на другую сосну, уцепившись когтистыми лапками за качающуюся ветку.

Ястреб опять промахнулся. Но тут же бросился вдогонку. Так и летали они с ветки на — ветку, с дерева — на дерево. И всякий раз белочка уворачивалась от ястреба, хотя у неё и нет крыльев.

Успев разглядеть белочку в этом стремительном круговороте, Тёма с удивлением заметил, как во время коротких передышек белочка поедает свой грибок, не желая расстаться со своим трофеем даже в минуты опасности.

— Он хочет отобрать у неё грибок? — спросил Тёма у папы.

— Грибок ястребу не нужен. Он хочет прогнать белочку со своей территории.

Словно в подтверждение папиных слов Тёма увидел, как на полянку прилетел голубь и начал было клевать хлеб на крепком пенёке.

Ястреб прекратил погоню за рыжехвостой белкой и ринулся на голубя. Испуганный голубь тут же улетел и больше не появлялся.

— А почему голубь струсил? — спросил Тёма отца. — Ведь лес же общий! И корм в лесу тоже общий — хватит и ястребу и голубю.

— Потому что ястреб сильнее голубя, — пояснил папа. — Силы не равны. Голубь решил улететь и не связываться с хищным противником.

— А почему же белочка не уступила ястребу? Тоже могла со страху бросить свой грибок и ускакать на другое место в лесу! — запальчиво проговорил Тёма. — Она же маленькая!

— Маленькая, да удаленькая! — одобрительно улыбнулся папа. — Провела ястребка! Отвоевала своё место под солнцем!

— Навсегда? — озабоченно поинтересовался Тёма.

— Не знаю, — вздохнул папа. — В лесу побеждает сильнейший.

— А умнейший? — лукаво спросил Тёма.

— Ум — тоже сила! — согласился папа. И добавил:

— А ещё — твёрдость характера!

— Мягкая белка с твёрдым характером! — засмеялся Тёма.

Папа тоже рассмеялся. Они оглядели полянку. Белочки нигде не было видно. Только ястребок встревоженно летал между деревьями, напрасно выискивая свою хитрую соперницу.

ГОСТЬЯ С СЕВЕРА

Приближался праздник — 1 мая. День мира и труда. И солидарности всех трудящихся нашей планеты.

Алёнка любила 1 мая — в честь этого праздника город украшали цветными воздушными шарами и красивыми флагами. А цветовую гамму флага России в виде синей, белой и красной полос Алёнка видела не только на развевающихся полотнах, но и на клумбе у своего дома: красной полосой на ней алели тюльпаны, застенчиво покачивали головками белые нарциссы, синим облачком колыхались незабудки. Красота!

Правда, название праздника — день солидарности всех трудящихся, вычитанное ею в книжке маминого детства, — Алёнка понимала по-своему.

Заковыристое словечко «солидарность» в её представлении было солидным, то есть очень важным. Хотя папа сказал, что солидарность — это дружба. А что может быть важнее дружбы?

Поэтому Алёнка справедливо считала, что 1 мая — это день дружбы между людьми и народами. И так считала не только Алёнка.

В их школе каждый год проводили праздник, посвященный 1 мая. И на этом празднике ребята сами представляли культуру разных народов — исполняли песни и танцы в национальных костюмах.

Раньше в таких праздниках на сцене выступали только старшеклассники, а младшие классы смотрели из зала, хлопали в ладоши и мечтали тоже когда-нибудь выйти на сцену и сплясать гопака или лезгинку.

И вдруг — о радость! — в Алёнкином втором «б» классе на классном собрании учительница Вера Ивановна предложила ребятам самим выбрать национальность, которую они хотели бы представлять на празднике.

— Я буду украинкой! — первой закричала темноглазая Оксана, подпрыгивая на месте с вытянутой рукой. — Я знаю украинскую песню! А костюм мне мама сошьёт! — тараторила Оксана, стараясь перекричать нарастающий гул взбудораженных голосов.

— А мы станцуем белорусский танец! — хором заявили две подружки Валя и Галя, — а рушники сами вышьем!

— Зачем рушники? — удивилась Вера Ивановна.

— А на рушниках мы несём хлеб и соль — поприветствуем гостей!

— Хорошо, — улыбнулась Вера Ивановна. — Какие ещё есть предложения?

Предложений оказалось много. Ребята кричали наперебой, уверяя учительницу в исключительности своего концертного номера.

Наконец Вера Ивановна определилась с выбором и огласила список выступающих.

— А остальные выступят в другой раз! — сказала она утешительно.

Алёнка растерянно молчала. Ей казалось, что она пропустила что-то очень главное в своей жизни. Она вдруг обнаружила, что не умеет танцевать никаких национальных танцев и не знает ни белорусских, ни украинских, ни карельских песен. Что она может представить?

Её и предложить-то было нечего.

Вера Ивановна неожиданно обратилась к Алёнке:

— А ты, Елена, будешь северянкой.

— Кем? — удивилась Алёнка, ещё до конца не осознавая, что милостью учительницы тоже получила роль в предстоящем празднике.

— Гостьей с Севера, — пояснила Вера Ивановна.

Тут прозвенел звонок, заглушивший всякие человеческие голоса. Шумная лавина второклассников вынесла из класса и Алёнку.

Ну, не успела она спросить учительницу, какие бывают северянки, что они поют и как танцуют. Ну и что? Сама разберётся, не маленькая! Ободрённая этой мыслью, Алёнка радостно побежала домой.

Дома за вечерним ужином она как бы невзначай спросила папу:

— А что носят северяне?

— Как что? — удивился папа. — На севере холодно. Почти всегда зима. Поэтому люди носят шубы, меховые шапки, валенки, тёплые рукавицы.

Алёнка повеселела. И как она сразу не догадалась? Вопрос с национальным костюмом был решён.

А вот что исполнить на сцене? Алёнка перебирала в памяти все известные ей песни про зиму. И решила спеть куплет песни, которую она недавно разучивала в школе:

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам!
Песни Севера петъ
По полям и лесам!

А уж сплясать-то она сумеет! Правда, в валенках это будет не очень удобно, но ничего! Северяне же как-то танцуют!

Если с исполнительским мастерством проблем не было, то вопрос, как доставить костюм в школу, изрядно Алёнку поволновал.

Как она понесёт шубу, валенки, шапку? Да ещё и собственный портфель?

Тем более, что собственных северных вещей у Алёнки не оказалось — она сама зимой носила куртку, вязаную шапочку и сапожки.

Зато в кладовке хранилось папино обмундирование для зимней рыбалки — как раз то, что нужно! Правда, валенки были с галошами и на пять размеров больше, чем нога у Алёнки. Шапка-ушанка в некоторых местах поедена молью. Зато тулуп хорош! А если вывернуть его овчиной наружу, то настоящая шуба получается!

В долгожданный день Алёнка проснулась в бодром расположении духа. Как-то сам собой решился вопрос с костюмом: валенки и тулуп надела на себя. Шапка-ушанка всё время сползала на глаза, поэтому её пришлось засунуть в портфель.

Кое-как натянув на плечо ранец, она отважно шагала по весенним улицам города, замечая изумлённые взгляды прохожих. Но её ничто не смущало — ведь она шла в костюме северянки!

Когда Алёнка в своём объёмистом обмундировании протиснулась в приоткрытую дверь школьного актового зала, праздник был в разгаре. Две девочки что-то бойко пели побелорусски и лихо вытанцовывали на сцене. Они кружились, взявшись за руки, и алые ленты, вплетённые в волосы, тоже танцевали вместе с ними. Но вот юные артистки раскланялись и под одобрителные овации зала ушли со сцены.

Нарядные ведущие — Маша и Саша — важно выступили вперёд и хором продекламировали:

- Делу — время. Час — потехе.
- А ещё кто к нам приехал?
- Я! — радостно закричала Алёнка и стала пробираться вперёд к сцене.
- Я! Гостя с Севера!

В зале зашушукались, увидев пробивающий себе дорогу тулуп, вывернутый мехом наружу, и шапку-ушанку, поеденную молью, которую Алёнка успела нахлобучить на голову для полного комплекта.

Взбираясь на сцену, она наступила на полу тулупа и грохнулась, не одолев последней ступеньки. В зале раздался смех. Алёнка вползла на помост, выпрямилась, хлопнула в ладоши огромными рукавицами, отчего одна слетела в зал, и победно пропела:

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам!

Напевая, она старалась пританцовывать и кружиться на месте, как это делали до неё девочки-белоруски. Наверно, что-то особенное было в её танце, потому что зал буквально взорвался хохотом и аплодисментами.

Ободрённая успехом, Алёнка продолжала свою северную песню:

Песни Севера петь...

И вдруг с ужасом обнаружила, что забыла последнюю строчку куплета. Пот ручьями тёк по её лицу. Ноги пританцовывали по сцене, галоша на валенках издавала какой-то чавкающий звук.

Что можно ещё спеть про Север? Алёнка лихорадочно соображала. В её представлении раскинулась снежная тундра, олени, остроугольные жилища... Как же они называются? Ага! Её осенило мгновенно, и она счастливо допела вдруг придуманную на ходу строчку:

В наш полярный вигвам!

Зал застонал от хохота. Смеялись ребята, смеялись учителя. Не смеялась почему-то лишь Вера Ивановна, сидевшая в первом ряду. Она скорбно смотрела на Алёнку и как-то виновато вздыхала. Никому так не хлопали, как Алёнке!

Алёнка решила поклониться, как кланяются артисты публике, и ушанка свалилась с её головы. Шапку тут же подхватил какой-то мальчишка, нахлобучил на свою голову.

К ней потянулись другие руки — и шапка поплыла по залу, по головам учеников.

Шум и смех нарастали. Кажется, праздник близился к полному провалу.

Но Алёнка не растерялась. Она скинула тулуп и звонко крикнула в зал:

— Играем в города! У кого шапка — тот называет город Севера! Кто не назовёт — проиграл!

И понеслось:

— Петрозаводск! Сегежа! Мурманск! Кандалакша! Норильск! Якутск!

Алёнка, переведя дух, победно заключила:

Мы — жители нашей планеты,
Которой прекраснее нету!

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

— **Ч**ерез неделю — соревнования! Соберите в кулак всю свою волю, доработайте сложные элементы обязательной программы выступления. Неделя — это много! Всё можно успеть! Главное — не ударить в грязь лицом перед зрителями! Всё! Тренироваться! — Татьяна Ивановна, тренер по художественной гимнастике, повелительно хлопнула в ладоши и засвистела в свисток, висевший у неё на груди.

Девочки рассыпались по спортзалу.

Алёнка шумно вздохнула. Легко сказать — доработать сложные элементы! А как сделать?

Для Алёнки сложным элементом было сальто — кувырок через голову с разбега. То есть разбегалась она запросто, но, добежав до середины зала, где надо было выполнить этот почти смертельный номер, вдруг останавливалась и, нерешительно взмахнув руками, плелась обратно в угол с надеждой успешно повторить попытку. Но... ничего не получалось. Заметив её беспомощные старания, тренер в сердцах воскликнула:

— Не преодолеешь свой страх — лучше не приходи! Опозоришься сама и опозоришь нашу команду! Судьи при-

едут из столицы! — Татьяна Ивановна вскинула вверх голову и многозначительно подняла палец. — Жители города соберутся! Только попробуй подвести нашу спортивную школу! У нас всегда были победы! Рекорды! Медали! А это — первое соревнование в вашей младшей возрастной группе. Не справишься — выгоню! — жёстко закончила тренер и, развернувшись, пружинистым шагом пошла к другим воспитанницам.

Алёнка снова печально вздохнула. Что тут можно возразить? Может, и правда, «заболеть» и просто не пойти на это рискованное соревнование?

...Неделя пролетела быстро. Алёнка на тренировках непринуждённо и красиво выполняла упражнения с мячом, красной атласной лентой, на брусках и бревне. Ей нравилось заниматься под музыку, которая создавала настроение праздника.

Особенно нравилось порхать и кружиться внутри серпантина длинной атласной ленты, который создавала она сама волшебной палочкой во время танца. Для многих девочек именно этот элемент был сложным — они запутывались в ленте, выпускали её из рук или замирали под сердитым возгласом тренера:

— Кому медведь на ухо наступил?! Музыку надо не только слушать, но и слышать!

Алёнка слышала музыку, как слышало музыку и её тело — лёгкое, изящное и послушное своей хозяйке.

Но... сальто — сложный Алёнкин элемент — не собиралось даже хоть чуточку стать проще.

Один раз она рискнула, зажмурив глаза, с разбегу встать на руки и ... рухнула на спортивный мат спиной. Лежала, распластавшись, с удивлением пытаюсь сосчитать бесчисленные мушки в глазах. Не получилось.

«Ничего у меня не выйдет. Я трусиха и неуклюжая королева», — грустно подумала она про себя. А вечером накануне соревнований решила остаться дома.

В школу было не надо — соревнования назначили на воскресенье. И, счастливая от принятого решения, она безмятежно заснула.

...В воскресенье утром её разбудил звонок в дверь. На пороге стояла улыбающаяся бабушка с тортом в руках.

— Это тебе! Но потом, после соревнований съедим! А то станешь тяжёлой — с брусев ещё свалишься! — бабушка засмеялась. — На соревнования надо идти налегке! Сегодня все идут в городской спортзал! За своих болеть будем! Ну, что стоишь-то? Пора уже! — бабушка, не раздеваясь, подтолкнула Алёнку в комнату. — Собирайся! — весело приказала она.

Алёнка не посмела возразить и молча подчинилась бабушкиному напору.

...В городском спортивном зале стоял оживлённый гул, играла музыка. Родители, бабушки, дедушки и друзья юных гимнасток кричали ободряющие лозунги и приветливо махали руками. Среди зрителей Алёнка разглядела и бабушку — та лучезарно улыбалась и то слала воздушный поцелуй внучке, а то демонстрировала поднятый вверх большой палец как символ Алёнкиного совершенства.

Но вот судьи — восемь человек — заняли свои места парами в четырёх углах спортзала. Под музыку подняли флаг.

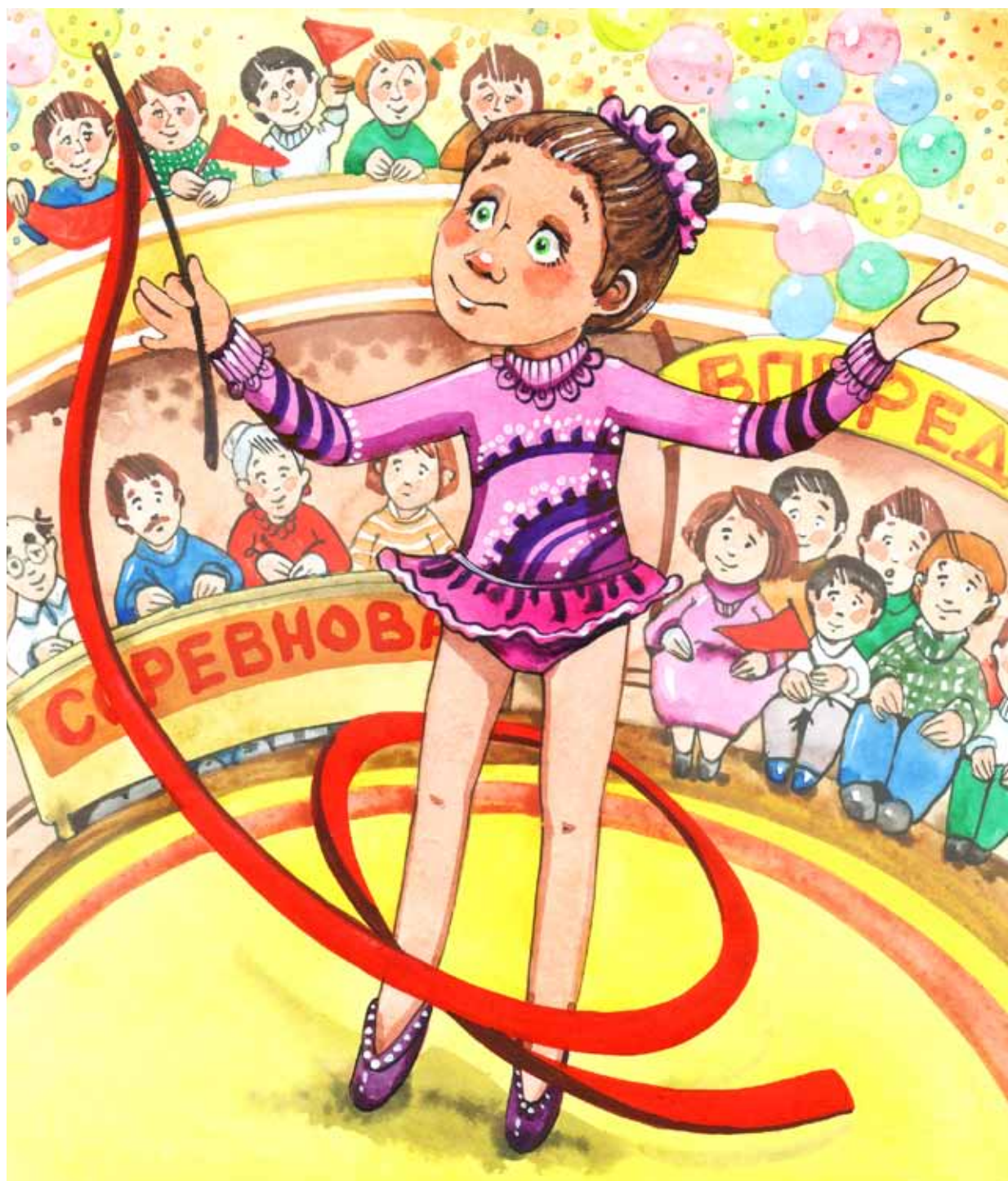
Юных гимнасток вызывали группами по четыре человека для исполнения обязательной программы. После выступления судьи на табло показывали баллы для каждой участницы. Из максимальных 10 баллов высшая оценка всех выступавших не поднималась пока выше 7.

Но зрители одаривали участниц щедрыми аплодисментами и криками «Браво!».

Алёнка с волнением ждала своей очереди.

«Провалюсь, — тревожно думала она. — Сделаю всё, кроме сальто. Может, получу 2 балла — худшую оценку, как в школе». Она грустно улыбнулась. Но отступить было некуда.

— Ефремова Елена! — вдруг донеслось до неё, в груди бухнуло сердце.

Алёнка вышла в лучи софитов. Они ослепляли её, поэтому она не видела ни девочек своей команды, ни зрителей.

Раздался резкий звук свистка, грянула музыка. Девочки, словно бабочки, взлетели из своих углов и запорхали в гимнастическом танце, поочерёдно выполняя упражнения обязательной программы. Вот приблизился момент, когда они

снова разошлись по углам зла. И теперь, разбежавшись, вновь должны пересечься в центре, выполнив сальто.

Заиграла другая музыка — Алёнка встала на цыпочки, раскинула руки, запрокинула голову. «Я — птица! — вдруг пронеслось у неё в голове. — А разве птицы боятся летать? Зачем птице кувыркаться? Кувыркаются только раненые, подбитые кем-то птицы. Птица должна парить! И радоваться, глядя сверху на мир!» — думала Алёнка. И, не успев до конца додумать эту мысль, в летящем прыжке двинулась к центру зала. О сальто она больше не думала. Краем глаза она заметила свою волшебную палочку с красной атласной лентой, брошенную небрежно на пол кем-то из участниц.

Алёнка села на шпагат возле ленты. «Я — птица! Меня поднимет этот алый ветер!» — уже стремительно подумала она, поднимаясь пружиной с земли в вихревом кружении атласной ленты. «Главное — слышать музыку!» — вспомнила она наставления Татьяны Ивановны. И дала волю своей фантазии, облетая в причудливом танце трёх девочек, которые выполняли разученные заранее элементы обязательной программы.

Когда музыка стихла, Алёнка сложила руки-крылья, усмирив свой атласный ветер и склонив голову в поклоне публике.

В зале обрушился шквал аплодисментов.

«Браво!» — скандировали хором зрители.

Алёнка стояла, замерев, не поднимая головы. Потому что она боялась её поднять, чтобы не увидеть своих позорных оценок. Прозвучала фамилия Алёнки.

Судьи подняли табло с баллами одновременно. «Десять, десять, десять...» — восемь раз проговорил голос в рупор.

Алёнка решила, что ослышалась.

Повернула голову — на табло ближайших судей чернели пузатые десятки.

Осторожно перевела глаза — все судьи выставили ей максимальные баллы! Они встали со своих мест и тоже аплодировали вместе со зрителями!

Алёнка заплакала. Отчего — она не знала и сама. Как же так? Ведь она не сумела победить свой страх и выполнить злосчастное сальто! За что её усилия так высоко оценили?

— Какая грациозная девочка! — услышала она за спиной чей-то голос. — И находчивая! — добавил кто-то другой.

Из оцепенения её вывели бабушкины объятия.

— Вот так мы! — радовалась она, тормоша внучку. — Всех удивили!

Домой шли весело.

— Бабушка, сегодня какой-то счастливый случай! — воскликнула Алёнка. — И почему мне так везёт?

— Тому везёт, кто сам везёт, — засмеялась бабушка. И добавила, немного подумав: — Каждый день — это счастливый случай!

СОДЕРЖАНИЕ

ШУТКА

3

ФИМА

8

УТКА-АРТИСТКА

16

ЗАЩИТНИК

20

ХИТРАЯ СОПЕРНИЦА

26

ГОСТЬЯ С СЕВЕРА

30

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

37

Елена Евгеньевна Пиетиляйнен

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Рассказы

6+

Елена Пниatilainen —
автор поэтических книг
«Оттаявший свет», «Время дождей»,
«Предошущение», «Ниточка
вечности», книги стихов для детей
«Кто живет в лесу и в доме?».

Книги рассказов для детей
«Большими шагами»
и «Счастливый случай»
вошли в лонг-лист Всероссийской
литературной премии
«Ясная поляна»
имени Л. Н. Толстого.

Лауреат международных
поэтических конкурсов «Золотос
перо» (2009), «Звезда полей» (2010),
«Душа и слово» (2011).

Лауреат премии президента
Российской Федерации в области
образования и науки (1996).

Кандидат педагогических наук.

Заслуженный учитель
Республики Карелия.

Председатель Карельского
отделения Союза писателей России.

Секретарь Правления Союза
писателей России.

Главный редактор литературно-
художественного и общественно-
политического журнала «Север».